

Дверь в главный зал Врат Сюаньмэнь была собрана из Драконьей Кости.

Когда Цинь Сяо толкнул её, дверные петли даже не скрипнули — лишь тонкая струйка пыли вылетела из щели и опустилась на его обувь, похожая на пепел от сгоревшей бумаги.

Печь Обращения Душ лежала в его руке. Серовато-белый язычок пламени прижался к стенке печи: он не поднимался и не опускался, не обжигал пальцы и не гас.

Он не смотрел вглубь залы, а лишь пристально глядел на лужу смеха на полу.

На смех Лю Учэня.

Этот смех казался живым — словно ртуть, он извивался на синем каменном полу, дюйм за дюймом подбираясь к горлышку печи. Он не издавал звуков, но от него у Цинь Сяо заложило уши — он слышал его. Слышал, как плачет девочка. Её голос, тонкий, как оборванная нить бумажного змея, прерывался: — Брат... не бросай меня...

Лю Учэнь стоял у колонны главного зала, в аккуратных белых одеждах, на манжетах которых ещё виднелось вчерашнее чайное пятно. Он не двигался и ничего не говорил, лишь смотрел на эту лужу смеха так, будто глядел на разбитую в детстве собственную фарфоровую чашку.

— Ты... — начал Цинь Сяо, и его голос звучал так сухо, будто горло наждачной бумагой протерли.

Лю Учэнь рассмеялся.

То был не тот смех, что звучал только что, а совсем другой. Мягкий, с лёгким оттенком вины — точно так же он улыбался каждый раз, когда в Зале Проповедей заступался за провинившихся учеников.

— Ты ничего не понимаешь, — произнёс он.

Цинь Сяо не стал слушать его дальше. Вскинув руку, он подал Печь Обращения Душ вперёд.

Пламя в печи резко взметнулось, словно распахнутая пасть, и в один миг проглотило лужу смеха.

В зале воцарилась внезапная тишина.

Ветер утих. Пламя свечей перестало дрожать. Даже вековая пыль, осевшая на балках, зависла в воздухе, не падая вниз.

Внутри печи замерцали видения.

Юноша стоял на коленях у Небесной лестницы, прижимая к груди девочку с совершенно седыми волосами и фиолетовыми губами. Его лоб был прижат к земле, а кровь сочилась из межбровья, капая на каменные ступени и застывая крошечными тёмно-красными пятнами.

— Умоляю Небесный Путь, — голос юноши дрожал, срываясь на фальцет, — верни ей жизнь. Я согласен вечно быть рабом, не входить в круговорот перерождений, не перерождаться, пусть даже моя душа рассыплется в прах — я на всё согласен.

Небесный Путь ничего не ответил.

Лишь луч света упал сверху из облаков, словно верёвка, и опутав душу юноши, затянул её.

— Идет, — голос этот был лишён пола и эмоций, напоминая ветер, свистящий над пустой долиной. — Но ты должен стать Охотником на Кровь Дракона.

Видение сменилось.

Юноша превратился в Лю Учэня. Он стоял на вершине пика Врат Сюаньмэнь, с кончика его меча капала кровь, и в этой крови блестели драконьи чешуйки. Позади него лежали семь тел, в грудь каждого была вонзена по Драконьему Клыку. Опустив голову и глядя на каплю крови на клинке, он рассмеялся.

— Она уснула, — промолвил он. — Я засыпаю вместо неё.

Видение рассыпалось.

Лю Учэнь ворвался внутрь.

Он бежал с невероятной скоростью — безумно, словно наконец дождался этого мгновения.

— Что ты понимаешь! — взревел он, и голос его сорвался, но в нём всё ещё звучали те мягкие нотки, какими он наставлял учеников. — Я лучше стану демоном, чем позволю её душе рассеяться в прахе!

Он бросился на Печь Обращения Душ.

Горлышко печи жадно втянуло воздух.

Его правая рука от самого локтя покрылась безумно растущими чешуйками — сине-чёрными,

словно железо, а ногти загнулись крючьями. Его лицо наполовину осталось человеческим, а наполовину превратилось в драконье, кожа разорвалась, обнажая извивающиеся под ней костяные узоры.

Но он продолжал улыбаться.

— Если ты и впрямь хочешь убить Небо... — он скалил зубы, кровь текла из уголка его рта, капая на край печи со звуком шкворчания, — сначала убей меня.

Цинь Сяо поднял печь выше.

Языки пламени лизнули его запястье, кожа начала обугливаться, но он не разжал пальцев.

Меч Бай Чжаосюэ пронзил его сердце со спины.

Крови не было.

Лишь тонкая струйка туши медленно потекла вдоль клинка, упав на синий камень пола и расплывшись небольшим пятном, похожим на еще не высохшие чернильные иероглифы.

Она не смотрела на него.

Кончик её меча по-прежнему упирался в него, а голос звучал холодно, как вода на дне ледяного озера:

— Если он умрёт, Талисман Перерождения для его младшей сестры навеки канет в Лету.

Смех Лю Учэня оборвался на полуслове.

Он опустил голову, глядя на меч, пронзивший Цинь Сяо, а затем поднял взгляд на Бай Чжаосюэ.

— Ты... — в его горле заклокотало, — ты знала это с самого начала?

Бай Чжаосюэ не ответила.

Она лишь чуть-чуть повернула клинок.

Цинь Сяо глухо застонал, но не упал.

На Печи Обращения Душ появилась трещина.

Она не просто треснула — она распустилась. Словно высохший цветок, который на ветру внезапно раскрыл один из своих лепестков.

Из трещины хлынула не кровь, не огонь и не дым.

Тушь.

Густая тушь Цинъя.

Чёрная, насыщенная, с терпким ароматом кончика кисти.

На дне печи проступили четыре иероглифа.

Они не были вырезаны. Не были выжжены.

Тушь сама проявилась на поверхности, словно кто-то, обмакнув палец в кровь, медленно, черта за чертой, выводил их на стенке печи.

Путь не дарован небесами — он соткан из пепла, что люди проглатывают, до боли сжав зубы.

Лю Учэнь вдруг перестал смеяться.

Его левая половина тела уже полностью превратилась в драконью, но правая по-прежнему была облачена в белые одежды главного ученика Врат Сюаньмэнь, и то самое чайное пятно на манжете всё ещё виднелось на ней.

Он поднял уцелевшую человеческую руку и коснулся собственного лица.

— Оказывается... — тихо произмолвил он, — даже чтобы плакать, мне приходится одалживать чужой смех.

Он больше не бросался на печь.

И не молил о пощаде.

Он просто медленно опустился на колени, и глухой стук разнёсся по синему камню.

Из-за пазухи он достал талисман.

Бумага была жёлтой, с закрученными краями, и на ней даже сохранилось крошечное пятнышко от детского молока.

— Это моя младшая сестренка... — его голос звучал так тихо, будто он боялся спугнуть ветер.
— Когда ей исполнилось три года, я нарисовал для неё этот охранный талисман.

Он бережно приложил талисман к Печи Обращения Душ.

Стоило бумаге коснуться стенки печи, как она тут же растаяла.

Превратившись в тонкую струйку пепла, она ввинтилась прямо в трещину.

Пламя в печи внезапно успокоилось.

Серовато-белые язычки сжались в самом сердце очага, напоминая уставшего ребёнка.

Драконья чешуя на теле Лю Учэня начала бледнеть.

Из сине-чёрной она превратилась в серо-пепельную, затем в белую, и наконец стала похожа на снег.

Его лицо тоже постепенно принимало человеческий облик.

Но глаза его опустели.

Словно два высохших колодца.

— Ты... — глядя на Цинь Сяо, он шевельнул уголками губ, пытаясь улыбнуться, но улыбка не вышла, — твой отец... жив.

Цинь Сяо не шелохнулся.

Меч в его груди по-прежнему торчал на прежнем месте.

Бай Чжаосюэ не вытаскивала его.

Она в упор смотрела на ту строку на дне печи, и впервые в её взгляде появилась трещина.

Лю Учэнь медленно поднял руку и указал на потолок залы.

Там виднелся кирпич, цвет которого был темнее остальных.

— Сзади него... — его голос звучал тихо, словно вздох, — спрятан прах моей сестры.

Он замолчал на мгновение, а затем добавил:

— Если ты сожжёшь его, её больше не останется по-настоящему.

Цинь Сяо не сдвинулся с места.

Бай Чжаосюэ тоже стояла неподвижно.

Печь Обращения Душ тихо покоилась на полу.

Из трещины всё ещё сочилась тушь.

Одна капля упала прямо к ногам Лю Учэня.

Он опустил голову и посмотрел на неё.

А затем улыбнулся.

То был не безумный смех и не горькая усмешка.

Это была улыбка человека, который наконец-то сможет хорошенько выспаться.

Он закрыл глаза.

Его тело начало превращаться в пепел.

Снаружи, начиная со стоп, дюйм за дюймом, поднимаясь всё выше.

Белые одежды рассыпались.

Драконья чешуя рассеялась.

Лишь пепел от того самого талисмана кружился в воздухе, словно крошечная снежинка.

Цинь Сяо опустил взгляд на меч в своей груди.

Руки Бай Чжаосюэ всё ещё дрожали.

Она не смотрела на него.

Вперив взгляд в строку на дне печи, она шевелила губами, словно собираясь что-то сказать.

Но так ничего и не произнесла.

Снаружи поднялся ветер.

Он пронёсся сквозь дверь из Драконьей Кости, промчался по синему каменному полу, скользнул по невысохшей луже туши и коснулся последних песчинок пепла Лю Учэня.

Пламя в печи погасло.

Корпус печи остыл.

В трещине всё ещё не высохли чернила.

И та строка по-прежнему была там.

Путь не дарован небесами — он соткан из пепла, что люди проглатывают, до боли сжав зубы.

Бай Чжаосюэ наконец вытащила меч.

Клинок вышел бесшумно.

Цинь Сяо не рухнул.

Он стоял прямо, а рана в его груди не кровоточила.

Лишь тонкая струйка туши медленно потекла по его одеяниям, капая на пол у самых ног.

Словно капля не высохших чернил.

Он опустил голову, глядя на эту каплю.

Затем он наклонился и поднял с пола Печь Обращения Душ.

Корпус печи был ледяным.

В трещине чернели следы туши.

Он не стал их стирать.

И не взглянул на Бай Чжаосюэ.

Повернувшись, он зашагал к выходу из залы.

Шаги его были тверды.

А подошвы обуви были испачканы в пепле, в который обратился Лю Учэнь.

Двери залы оставались распахнутыми.

Ветер влетал внутрь.

Он раскачивал тот тёмный кирпич под балкой.

Из щели за ним тончайшей белой струйкой медленно поднимался дымок.

Словно кто-то там, внутри, тихо выдохнул в последний раз.

<http://bllate.org/book/19461/1908430>